

УЛЯ НОВА

СКАЗКА О СЛАБОСТИ

Часть сборника: Аккордеоновые крылья (сборник)

Улья Нова

Сказка о слабости

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нова У.

Сказка о слабости / У. Нова — «Эксмо», 2017

«...Однажды вечером, пытаясь перебить лихорадку подступающей ангины, через силу заглатывая ромашковый чай, Вета сломалась. Пробиваемая ознобом, с испариной на лбу, признала: это серьезно. И, кажется, надолго. Так оно и было: он безжалостно держал ее за запястье во время трехнедельной ангины. Чуть заметно дергал за руку, когда к Вете приходила врачиха с мокрыми волосами – из районной поликлиники, а три дня спустя – старательный пожилой доктор, по страховке. Лучше не стало. Слабость с каждым днем усиливалась...»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нова У., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Улья Нова

Сказка о слабости

1

Он крепко держал Вету за запястье. До боли вцепился в тоненькую, почти прозрачную руку. Иногда сжимал так сильно, что ее ладонь немела и пальцы казались почти стеклянными.

Наручных часов Вета никогда не носила. Однажды он этим воспользовался – крепко схватил ее запястье в давке утреннего вагона, набитого до ржавого скрипа сонными и начесанными, а еще напудренными, наглаженными, надушенными людьми. Все это разнообразие сливалось в одно настороженное утреннее лицо, несущееся с окраины в центр. Он держал ее за запястье в сумеречном вестибюле грязного здания из тусклого алюминия и пыльного стекла. Не выпускал руку, а намеренно сильнее сжимал в комнатке-подсобке, где пили чай и строго запрещалось курить.

Иногда его хватка чуть слабела, ощущалась костяным браслетом, который норовил съехать, перетянув и до боли прижав друг к другу лучики пястных косточек, ломких и шуршащих, как весенние камыши. Иногда его хватка мерещилась широким золотым наручником, который чуть мал и душит руку, будто тоненькую и беззащитную шею котенка. Порой она чувствовала его пальцы. Это было не угадывание, нет. Она подробно чувствовала узловатые, ледяные пальцы. Каждый в отдельности упрямо врастал ей в запястье, будто привитая веточка или еще хуже – хищная омега, которая медленно становилась частью слабеющего дерева. Иногда его рука, сжимающая запястье, становилась такой жгучей и настойчивой, что Вета начинала задыхаться.

Стоило ей заболтаться по телефону с троюродной сестрой, сипло расхохотаться со встреченными в коридоре курьерами, засмотреться на крыши сквозь сизую вуаль сигаретного дыма, он сразу же чувствовал: отвлеклась. Живет себе дальше, будто ничего особенного не случилось. Именно в такие моменты он неожиданно дергал ее за руку. А иногда резко и грубо тащил куда-то вбок. Как всегда – чуточку издевался, вышибал дух, по крупинке выколачивал силы. Ему и раньше разными ухищрениями и уловками нравилось неожиданно сбивать Вету с настроения, надламывать ее воодушевление, гасить восторг. Будто выставляя умело просчитанную подножку. Слегка припугивать. Расстраивать. Тормозить. Теперь от его неожиданных подергиваний Вете становилось невмогуту. После каждого такого рывка она несколько минут ничего не соображала. Чувствовала себя сломанной куклой. Вмиг теряла все защитные шуточки, маленькие оборонительные хитрости. И признавала, что очутилась в маленьком незаслуженном истязании. В тихом аду, из которого никак не могла выбраться.

В первые дни, когда его рука обосновалась на ее запястье, Вета старалась не замечать. Тактично. Сдержанно. С вежливостью воспитанного человека, получившего хорошее образование: английская спецшкола, музыкальная школа по классу фортепиано и флейты, филологический факультет университета, курсы французского и испанского, аспирантура, впрочем не увенчавшаяся диссертацией по романам викторианской Англии. Она старалась быть выше этой необъяснимой главы, ненужного послесловия. Ждала, что он образумится и прекратит. Не сердилась. Жила как обычно. Книга возле дивана. Кисловатый утренний кофе

вперемешку с низкими облаками, светящимися окнами дома напротив и ржавчиной крыш. Чуть ускоренные, суетливо-озадаченные шажки к метро. Серый сумрак закоулков и подземных тупиков, контрастирующий с сахарно-розовой сверкающей пудрой на лицах подземных девушек. Теплая, уютная шерсть пальто и шарфа, в которых приятно тонуть. Мягкое трикотажное платье приглушенно-интеллигентной расцветки. Неброская помада. Войлочная роза заколки. Долгий безостановочный бег по коридорам и этажам утомляюще-пыльного, окуреного дымами здания, напоминавшего неживой макет или забытый конструктор. Быть сосредоточенной и бодрой. Отвечать на письма, просматривать электронную почту. Курить с начальницей на лестничной клетке, воодушевленно кивая на рассказ о поездке на озеро. Сипло хохотать с девушками из фирмы этажом ниже. Но потом, ближе к вечеру, Вета снова чувствовала стягивающий бинт на запястье. Еле-еле разминала пальцы. И ничего не помогало: ни сдержанность, ни попытки казаться веселой, ни затаенная надежда, что он сам все прекратит.

Однажды вечером, пытаясь перебить лихорадку подступающей ангины, через силу заглывая ромашковый чай, Вета сломалась. Пробиваемая ознобом, с испариной на лбу, признала: это серьезно. И, кажется, надолго. Так оно и было: он безжалостно держал ее за запястье во время трехнедельной ангины. Чуть заметно дергал за руку, когда к Вете приходила врачиха с мокрыми волосами – из районной поликлиники, а три дня спустя – старательный пожилой доктор, по страховке. Лучше не стало. Слабость с каждым днем усиливалась. Пришлось выйти на работу, не долечившись. Теперь по утрам сил едва хватало, чтобы добрести от дома до метро. А там, если повезет, упасть на свободное место, на коричневый дерматин сиденья. Или повиснуть, ухватившись за поручень, и пятнадцать минут дремать среди шума и шелеста утреннего вагона. Но он все равно держал ее за запястье. И дергал – неожиданно, без причины. От этого становилось обидно и хотелось расплакаться, как в детстве, когда подружки из подъезда ни с того ни с сего объявляли бойкот.

Шиповниковый чай. Кроваво-кислый гранатовый сок. Грейпфрутовые велосипедные кольца. В эти дни Вета плакала во сне. А еще, кажется, она завывала под утро. Как брошенная собака – от своего нарастающего бессилия. Несколько раз снилось, что умирает. Точнее, в приступе серой обволакивающей слабости во сне проваливалась куда-то глубже, в топкое болотистое забвение. Щемящее, вытягивающее дух без остатка.

Потом наступила суббота. Проснувшись в полдень, Вета возмутилась. Ее колотило от гневного озноба и слез. Сил не было. Она признала себя привидением, показалась себе опустошеннобелой изнутри и снаружи. Без щербинок, без смешинок, без обычных ямочек на щеках. От горького прозрения она пришла в ярость. Взорвалась. И следующие несколько дней пыталась освободиться. Замирала возле окна. Смотрела вдаль. Почти не двигалась. Улучала момент, потом изо всех сил выдергивала руку. Выворачивалась. Извивалась. Но он держал крепко и сосредоточенно, не отвлекаясь, не позволял себя одурачить. После безуспешных и жалких попыток сопротивления он стал дергать еще чаще. Изо всех сил тянул куда-то по вечерней улице. Так упрямо и жестоко, что приходилось почти бежать, чтобы не упасть, чтобы не оступиться. Подтягивал к витрине магазина музыкальных инструментов. Чтобы она стояла минут пятнадцать, прижав лицо к ледяному стеклу, сквозь слезы рассматривала скрипки и гитары, напоминавшие ей полые ссохшиеся тыквы. Иногда он заставлял остановиться посередине платформы метро. Не давал идти дальше. Чтобы она как будто кого-то ждала. Пять минут. Десять минут. Наблюдая снующих мимо людей. Ждала сама не зная кого посреди пыльной, пропитанной усталостью платформы. С онемевшей от боли рукой и сдавленным криком отчаянья, слезно распухавшим в горле.

2

В детстве, чтобы как-нибудь пережить развод родителей, Вета придумала себе, что бывают особые печальные люди. Внутри у них таится пропасть отчаянья, бездонный и необратимый обрыв. Где появляется такой человек, там всегда впоследствии происходит разобщение, случается развод. Как будто невидимая разъединяющая сила, неизбежная роковая трещина теплится внутри человека, а потом прорывается, пробивается наружу в самых неожиданных ситуациях. Случайно разлучая, разводя, разъединяя ни в чем не повинных людей, которые оказались рядом. Такой человек-трещина однажды встретился родителям, считала Вета в детстве. И через некоторое время они развелись. Кто это был, Вета точно не знала. Вспоминая детство, она строила самые неожиданные догадки. Она была уверена: люди-трещины чаще всего не подозревают, что несут в себе необратимое разъединение. В каждодневном существовании они могут быть неприметными соседями, тихими друзьями, участливыми знакомыми. Чаще всего они никак не воздействуют, не вмешиваются, не вторгаются в жизнь своих случайных жертв: ни поступками, ни словами. Это совсем не то, что коварные разлучницы или двуликие разрушители сердец. Человеку-трещине достаточно возникнуть в комнате, появиться в вестибюле, медленно зайти в столовую. Он возникает где-нибудь рядом, бежит-суетится по своим будничным делам, даже не подозревая, что одним своим нечаянным присутствием обозначает чей-то неизбежный разрыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.